

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIV • 2021 • № 4

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 220-летию со дня рождения
Осипа Михайловича Ковалевского (1801–1878)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Выпускающий редактор номера — кандидат исторических наук О. Н. Полянская (Улан-Удэ)

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: <http://www.pvost.org>
Подписано в печать 29.11.2021
Формат 60×90^{1/8}. Объем 12 печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,
Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. *e-mail*: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/07n5-9g63

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О. М. КОВАЛЕВСКОГО

- Н. Г. Альфонсо.** «Буддийская космология» О. Ковалевского и «Учение о мире» Васубандху. 5
О. Н. Полянская. История востоковедения на страницах корреспонденции монголоведа О. М. Ковалевского (1801–1878) 16

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- А. Д. Цыбиктаров, Э. О. Хакимова.** Деятельность Императорского Русского географического общества по изучению бронзового и раннего железного веков Монголии (70-е гг. XIX — начало XX в., источниковедческий аспект) 25

ФИЛОЛОГИЯ

- A. V. Zorin.** Ivan Minayev and “Heart of Darkness”: an Indological dimension of J. Conrad’s tale 33
Э. Вандан. Семантические особенности монгольского перевода романа Ф. М. Достоевского «Идиот» 40
А. С. Донгак. Новые полевые данные по фольклору и традиционной обрядности народов Западной Монголии (хотоны, урянхайцы и тувинцы) 46

АРХИВЫ МОНГОЛОВЕДОВ

- С. С. Сабрукова.** Страницы истории отечественного монголоведения: из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986) 54

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- Ю. А. Иоаннесян.** Некоторые аспекты сходства и отличия в учении между шейхизмом и исмаилизмом (по материалам персоязычных исмаилитских источников) 64
Д. А. Костандян. Терминологическая система современной арабской музыки. 75
А. А. Туранская, М. А. Козинцев. Эстампажи надписи Моюн-чора в коллекции Института восточных рукописей РАН 89

IN MEMORIAM

- Ушел Марк Исаакович Гольман (*ред. коллегия*) 95

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXIV • 2021 • No. 4

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 220th birthday anniversary
of Osip Mikhailovich Kovalevsky (1801–1878)**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

Issue Compiler — Cand. Sc. (History) O. N. Polyanskaya

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/07n5-9g63

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2021
© Group of authors, 2021

IN THIS ISSUE:

RESEARCH ACTIVITIES OF OSIP M. KOVALEVSKY

- N. G. Alfonso.** “Buddhist Cosmology” by O. Kovalevsky and “The Teaching of the World” by Vasubandhu 5
- O. N. Polyanskaya.** History of Orientalism in the Correspondence of a specialist in Mongolian Studies O. M. Kovalevsky (1801–1878) 16

STUDIES IN HISTORY OF CENTRAL ASIA

- A. D. Tsybiktarov, E. O. Khakimova.** Activities of the Imperial Russian Geographical Society for the Study of the Bronze and Early Iron Ages of Mongolia (70s XIX — early XX centuries, source study aspect) 25

STUDIES IN PHILOLOGY

- A. V. Zorin.** Ivan Minayev and “Heart of Darkness”: an Indological dimension of J. Conrad’s tale 33
- Enkhsaya Wandan.** Semantic Features in the Mongolian Translation of the novel “The Idiot” by Dostoevsky 40
- A. S. Dongak.** New field data on folklore and traditional rituals of the peoples of Western Mongolia (khotons, Uryankhais and Tuvinians) 46

ARCHIVES OF MONGOLIAN STUDIES

- S. S. Sabrukova.** A history of Mongolian studies in Russia: from the memoirs of G. I. Mikhaylov (1909–1986) 54

RELATED DISCIPLINES

- Y. A. Ioannesyan.** Some aspects of similarities and differences between the Shaykhi and Ismaili teachings (based on Persian-language Ismaili sources) 64
- D. A. Kostandian.** Terminological System of modern Arabic Music 75
- A. A. Turanskaya, M. A. Kozintcev.** Estampages of the Bayanchur inscription kept at the Institute of Oriental manuscripts, RAS 89

IN MEMORIAM

- Mark Isaakovich Golman (07.11.1927–05.09.2021) (*by editorial board*). 95

Э. Вандан

Семантические особенности монгольского перевода романа Ф. М. Достоевского «Идиот»

© Э. Вандан, 2021
DOI 10.25882/djxj-ek11

В статье рассматривается монгольский перевод романа Ф. М. Достоевского «Идиот», представленный Ц. Гомбосурэном в 2014 г. Повышенное внимание уделяется специфике переводческих стратегий, а также выявлению семантических особенностей текста перевода. Помимо этого впервые приводятся факты истории рецепции Достоевского в Монголии. Актуальность данной работы связана, с одной стороны, с возросшим интересом исследователей к проблеме межкультурной коммуникации и вопросам языкового и культурного взаимодействия при переводе, а с другой — с тем, что в настоящее время изучение литературных взаимосвязей России и Монголии в целом и переводов русской классической прозы (в том числе текстов Достоевского) в частности не получает должного внимания в научных исследованиях.

Ключевые слова: Достоевский, «Идиот», диалог культур, русская литература, монгольский перевод, переводная литература, семантика.

Вандан Энхзаяя — Ph. D., старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Института славянской и балтийской филологии университета им. Этвеша Лоранда (Венгрия, Будапешт, Múzeum krt. 4/D, ELTE, 1088).
vandan.enhzaya@btk.elte.hu

Переводческая деятельность в Монголии имеет долгую историю. Монголы издревле почитали и уважали ее как главное средство не только для расширения знаний и ознакомления с ценностями и достижениями других народов, но и — как это бывает у всех народов с богатой литературной традицией — для обогащения собственной словесности. Расцвет переводческой деятельности в средние века связан с тем, что монголы пользовались тибетским книжным языком и к тому времени имелся огромный объем изданной на этом языке буддийской литературы и переводов во всех известных тогда Индии областях знания [Ринчен, 1971. С. 371]. Под влиянием древнеиндийской и тибетской филологии в XIII в. переводческое искусство начинает стремительно развиваться и оказывает самое широкое влияние на дальнейшую историю и культуру Монголии¹.

Поворотным моментом в развитии переводческой деятельности явилась народная революция 1921 г. —

¹ Подтверждением тому служит указ 1264 г. о составлении государственной истории и о переводе классических книг. Но осуществление этих переводов — в силу ограниченности уйгурского письма — наталкивается на трудности. Для преодоления таких препятствий был введен новый, квадратный алфавит, построенный на тибетской основе [Бадмаева, 2011, С. 8].

русский язык стал главным иностранным языком, с которого переводили на монгольский язык книги всех жанров.

С творчеством Достоевского монгольская публика познакомилась только во второй половине XX в., что, вероятно, было обусловлено политическими и цензурными препятствиями. Будучи в тесной и многосторонней связи с советской властью, монгольское правительство следовало принципам советской политики, в том числе и культурной. В статье Елены Дрыжаковой о поэтике романа «Преступление и наказание» содержится эпизод о советских научных кругах, в коих ученые шутили между собой о том, что в СССР Достоевский родился в 1956 г. [Дрыжакова, 1985. С. 68]. По иронии судьбы или нет, но в Монголии «рождение» Достоевского действительно датируется 1956 г. — тогда появился первый перевод романа «Бедные люди» (монг. «Ядуу хүмүүс»), осуществленный Н. Наваан-Юндэном. Нельзя сказать, что в эпоху соцреализма Достоевский был фаворитом издательств². Знаменательно, что прохо-

² Не издавали его произведения до 1956 г. и в других странах социалистического лагеря. Так, например, в Венгрии фаворитом издательств в 1920-х гг. был именно Достоевский, но новый режим не считал его образцом для

дит почти 30 лет до появления следующего перевода, которым был роман «Униженные и оскорбленные» («Дорд үзэгдэгсэд»), дошедший до монгольских читателей в 1983 г. Перевод был осуществлен Г. Амаром, немного позднее им же переведен текст «Белых ночей» (монг. «Цагаан шөнө», 1985); в итоге эта повесть становится последним изданным в XX в. произведением Достоевского.

Очередному длительному затишью, продолжавшемуся до начала нынешнего века, положил конец перевод романа «Преступление и наказание» (2003), который сразу вошел в список обязательной литературы для высших классов средней школы (роман «Бедные люди» был включен в список литературы для учеников 9-го класса уже в начале 90-х гг.). Переводчиком «Преступления и наказания» был Ц. Гомбосүрэн, который в течение следующего десятилетия реализовал перевод остальных томов пятикнижия.

Роман «Идиот» дошел до монгольских читателей в двух вариантах. Первый из них, выполненный Гомбосүрэном, вышел под названием «Солиот» в 2015 г. в издательстве «Болор судар», в том же году вышел еще и перевод Баатара под названием «Маанаг» в издательстве «Монсудар». Хотя сопоставление этих переводов³ обещает множество интересных сведений, на этот раз мы ограничимся анализом первого.

Главным критерием качества художественного перевода является адекватность эстетического и эмоционального воздействия оригинального текста и текста перевода. Но задача эта становится весьма трудной, если учесть особенности жизни и быта монголов-кочевников, довольно далеких от православного мира и мышления русского народа, к тому же русский и монгольский — языки разнотипные, их синтаксическая структура и словарный набор не совпадают. Не выделяя дальнейших частных, отметим, что такое коренное различие культур является сигналом невозможности полного воспроизведения на монгольском такого — богатого христианским подтекстом — произведения, как «Идиот».

Гомбосүрэн при переводе романа «Идиот» в основном ориентируется на монгольского читателя, о чем свидетельствует язык и стиль повествования, близкий к строю монгольской эпической поэзии (наличие большого количества парных слов, использование выразительных фонетических средств и т. д.). Для примера ниже приведем небольшой отрывок, в котором описываются дочери генерала Епанчина. Описание составляет всего одно предложение, но

подражания вплоть до того, что с конца 1940-х гг. до 1956 г. его просто-напросто не печатали [Гедеон, 2016].

³ Тем более что уже различие названий представляет интерес: в названии «Солиот» (от слова *солио* — ‘психическое заболевание’) акцентируется болезнь, нездоровье героя, а в «Маанаг» (букв.: ‘глупый, тупой, слабоумный, дурак’) — его умственные способности.

оно демонстрирует изобилие парных⁴ словосочетаний, что характерно для монгольского литературного языка и, по преимуществу, способствует усилению эмоциональной окрашенности текста⁵.

В оригинале:

Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками, и, конечно вследствие своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе и не желали скрывать [Достоевский, 1973. С. 32].

В переводе:

Епанчины гурван охин гурвуулаа эрүүл саруул, нуруу туруутай, гайхам тэгсхэн мөртэй, чилдгэр том хөхтэй, бараг эр хүн шиг чанга гартай, улаа бутарсан авхайчуул, эрүүл чийрэг, хүч тэнхээтэйн учир заримдаа балан цалан идэх дуртай, тэрийгээ ч нууж хаая гэхгүй [Достоевский, 2015. С. 54].

Тут мы отклоняемся от подстрочного перевода монгольского варианта, так как выделенные из контекста примеры наглядно иллюстрируют и без того явный избыток парных слов:

Достоевский	Гомбосүрэн
здоровые	эрүүл саруул
рослые	нуруу туруутай
удивительными	гайхам тэгсхэн
мощною	чилдгэр том
цветущие	улаа бутарсан
силы	хүч тэнхээтэй
здоровья	эрүүл чийрэг
хорошо	балан цалан
скрывать	нууж хаая

Об ориентации на культуру читателя перевода говорит и то, что переводчик не раз прибегает к уподобляющему приему⁶, который обнаруживается в

⁴ Парные слова — это два слова в составе фразеологической единицы с соотношенным значением и ярко выраженным звуковым подобием [Ахманова, 1966. С. 300].

⁵ См. у Скородумовой: «Использование такого распространенного явления в монгольском языке, как парные словосочетания (хоршоо үг), также способствует усилению эмоциональной окрашенности текста» [Скородумова, 2016. С. 121].

⁶ То есть использует функциональный эквивалент, который у читателя перевода должен вызывать те же эмоции и ассоциации, что и у читателя оригинала. Такое воспроизведение интенций оригинального текста в трудах переводоведов обозначается по-разному. Найда [Nida, 1964], например, говорит о динамической эквивалентности (dynamic equivalence), Швейцер [Швейцер, 1988] и Латышев [Латышев, 2005] — о функциональной эквивалентности,

первую очередь в трансформации христианских понятий в буддийские. Эти замены в данном контексте оказываются более приемлемыми для достижения адекватности перевода. Так, в романе слово *бог* переводится как *Бурхан*⁷:

В оригинале:

Ну, коли так, — воскликнул Рогожин, — совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, *бог* любит! [Достоевский, 1973. С. 14].

В переводе:

За хэрэв тийм бол, ноён минь, чи ёстой хийтэй хүн болж таарах нь. *Бурхан* чам шиг хүнийг хайрладаг юм! [Достоевский, 2015. С. 25].

Нет сомнения в том, что для большинства читателей перевода *Бурхан* ('бог') равен Будде, так как основной религией монголов является буддизм⁸, вследствие чего читателем перевода не интерпретируется важная для романа христианская коннотация. Обнаруживается сдвиг и в этимологии: слово *бог* связано с представлением об изобилии, полноте и счастье [Черных, 1993. С. 98], а *Бурхан* — о духовном совершенствовании, о просветлении [Сүхбаатар, 1997. С. 45].

Помимо слова *бог* в романе присутствует и его синоним *господь*:

В оригинале:

И таких *господь бог* любит, — подхватил чиновник.

В переводе:

Чухам тийм хумууст л *Тэнгэр бурхан* хайртай гэж Лебедев ам дагуулав (букв.: «Именно таких людей любит Небо бог»).

Слово *Тэнгэр* (букв.: 'небо'), тем более рядом со словом *бурхан* (букв.: 'бог'), соответствует русскому *небесный/всевышний*, то есть в переводе нейтрализуется инаковость христианского содержания романа. Но стоит отметить, что образ все-таки близок к образу оригинала, так как слова *всевышний* и *небесный* в русском языке также используются как синонимы к слову *бог* и имеют такую же возвышен-

ную коннотацию, как и *Тэнгэр* в монгольском, т. е. адекватность образуется за счет одинаковости эмоционального воздействия оригинального и переводного текстов.

Подобные примеры уподобления в переводе, демонстрирующие различие религии и верований русских и монголов, самым парадоксальным образом обнаруживают общность с философской концепцией и идейной атмосферой романа, поскольку в центре буддийского мировоззрения стоит идея целостного видения мира, всеединства, всеобщей связи вещей, которая выражается в буддистской формуле: «Одно во всем, все в одном». Согласно буддийскому мышлению, человеческое сознание заблуждается, разделяя это неделимое, неразложимое на обособленные единицы, отделенные друг от друга. Достоевский многократно указывает на опасность такого заблуждения (обособленность и эгоизм, распад семьи, утрата духовных ценностей) и необходимость достижения абсолютной простоты, единения и приобретения духовной целостности. «Высший синтез жизни», которого достигает Мышкин перед припадком, — это один из самых ярких примеров, где перекликаются христианское и буддийское мировоззрения (тем более что в мыслях князя он сопровождается такими мотивами, как *гармония, красота, чувство полноты, примирение, восторг, слияние* и т. д.). Из этого следует, что текст перевода способен передать содержание романа, а буддийский подтекст, созданный при переводе, обнаруживает глубокие связи с идейно-художественным миром произведений Достоевского вообще. Недостаток этого приема заключается в том, что в переводе не сохраняется инокультурный колорит.

Культурные коды христианства чужды монгольскому читателю, поэтому имплицитно выраженные смыслы текста в основном остаются для него скрытыми, если в переводе нет дополнительных объяснений и комментариев, способствующих их пониманию. Таким значимым для читателя оригинала, но недоступным читателю перевода элементом является, к примеру, образ осла из воспоминаний Мышкина, который в сознании первого сразу соединяется с образом Христа.

Но есть места, где подобные потери компенсируются переводчиком. Вернемся к приведенному выше примеру, где слово *юродивый*, не имеющее эквивалента в монгольском языке, трансформируется как *хийтэй*. Слово *хийтэй* в буквальном переводе означает 'наполненный воздухом' и употребляется в значениях 'легковерный, неосторожный, ветреный, хвастливый', далеко не аналогичных русскому *юродивый*. Но если обратиться к этимологии и семантике этого слова, то выбор переводчика становится более чем обоснованным. Корень *хий* имеет значение 'воздух', а воздух — один из пяти первоэлементов в буддийской картине мира. Не только воздух, но и его атрибуты (*прозрачный, белый*) органично связываются с *небесным/божественным* миром, что подтверждается в монгольском слове *хийморь* (букв.: 'ветер-

Людсканов [Людсканов, 1967] — о замене контекстуальным аналогом, а Комиссаров [Комиссаров, 1999] — переводческим аналогом и т. д.

⁷ Об этом подробнее см. нашу статью «Особенности передачи концепта *бог* в монгольском переводе романа *Братья Карамазовы* Ф. М. Достоевского» [Вандан, 2017].

⁸ По данным отчета Монголии по международной религиозной свободе 2018 г., буддистами считают себя 53 % монголов, а христианами — 2,1 % (при этом 38,6 % населения не принадлежит ни к какой религии). См.: [Электронный ресурс] // URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/MONGOLIA-2018-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (дата обращения: 08.01.2020).

конь'), имеющем значения 'бог судьбы' или 'праведник души'. *Хийморь* изображается в виде коня с пламенем на спине и указывает на связь с *огнем* и *светом*, и в сознании монголов он отождествляется с *душой* и *судьбой*. Со стихией *воздуха/ветра* на этимологическом и семантическом уровнях связано слово *амь* ('жизнь, жизненная сила, первооснова жизни'); отсюда — *амьсгал* ('дыхание') — *амьдрах* ('жить') [Скородумова, 2016. С. 241]. *Хий* обнаруживается и в слове *дэлхий*, имеющем значения 'мир, вселенная' [Скородумова, 2016. С. 233].

Семантически *хий* связан еще и с прозрачностью, светом и *белым* цветом⁹, а в «Идиоте» *белый* является одним из постоянных атрибутов князя Мышкина, сопровождающих его уже с самых первых страниц романа (достаточно вспомнить настойчивое упоминание *белокуро*сти князя или его узелка с *бельем*)¹⁰. Читателю оригинала, для которого христианская культура является своей, нетрудно обнаружить, что *белый* как символ чистоты, девственности, святости и т. д. отсылает к образу Христа. Но как же формируются эти аллюзии в случае перевода? Посмотрим на следующем примере.

В оригинале:

Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень *белокур*, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти *совершенно* *белою* бородкой.

В переводе:

Юүдэнтэй цувны эзэн залуу бас хорин зургаа, долоо эргэм настай, дунд зэргийнхээс арай өндөр гэхээр чацтай, өтгөн гэгчийн *цав цагаан* сэвлэгтэй, ёнхойн хонхойсон хацартай, *бараг цагаан*, шингэхэн ямаан сахалтай аж (12).

Словосочетание *очень белокур* переводится эквивалентом *цав цагаан* (букв.: 'очень белый'), а *почти совершенно белою* трансформируется в *бараг цагаан* (букв.: 'почти белый'), где отсутствует компонент

⁹ Ср.: «Свойства воздуха — прозрачность, яркость, белый свет. Движущийся огонь-ветер-воздух соединяется с представлением о дороге, о путях судьбы» [Скородумова, 2016. С. 241]. Т. е. в этимологии монгольских слов *хий* — *дэлхий* обнаруживается то же этимологическое родство, что и в русских словах *белый* — *свет* — *вселенная*, подчеркивая универсальность данных понятий.

¹⁰ При этом *белый* появляется не только в конструкции образа героя, но и в изображении швейцарской деревни, актуализируя семантику *совершенства*, *покоя* и *гармонии*: «Мгновениями ему мечтались и горы, и именно одна знаковая точка в горах, которую он всегда любил припоминать и куда он любил ходить, когда еще жил там, и смотреть отсюда вниз на деревню, на чуть мелькавшую внизу *белую* нитку водопада, на *белые* облака, на заброшенный старый замок. О, как бы он хотел очутиться теперь там и думать об одном, — о! всю жизнь об этом только — и на тысячу лет бы хватило!» [Достоевский, 1973. С. 287].

совершенно. Кажется, что данное упущение не очень влияет на восприятие образа героя читателем перевода, но на самом деле воспроизведение сопровождается некоторой потерей внутренних коннотаций. *Совершенно* — через связь с *совершенством*¹¹ — имеет подобную функцию, как и *белый*, в нем акцентируется христоподобность князя. Известно, что аллюзии на библейский текст остаются скрытыми для читателей перевода. Но как же добивается переводчик того, чтобы воздействие на читателя созданного им текста было аналогично тому эмоциональному воздействию, к которому стремился текст оригинала?

В монгольской культуре *цагаан* ('белый') ассоциируется с *чистой* и является самым почитаемым цветом, в котором репрезентируются ценности мира и мышления народа. Слово *цагаан* имеет смысл: 'первый, начало всему' (внутренняя форма *цагаан* указывает на связь с *агаар* ('воздух', синоним *хий*), выражающим семантику звука *А* — *анх*, что означает 'первый, начало всему' [Скородумова, 2016. С. 223]). В монгольском языке много устойчивых выражений, в которых отражается отношение монголов к белому цвету. Например, Новый год по традиции в Монголии называется *Цагаан сар* (букв.: 'белый месяц'), он символ начала и конца; *цагаан сэтгэл* (букв.: 'белая душа') — символ нравственной чистоты, синоним слова *ариун* (букв.: 'священный, чистый'). В буддизме много символов и божеств, обозначенных белым: *Цагаан Өвгөн* (Белый Старец — покровитель богатства, счастья, удачи, семейного благополучия, плодородия, продолжения рода. В Монголии он и «хозяин скота», Земли и всего, что находится на ней); *Цагаан Дарь Эх* (Белая Тара — символизирует исключительную чистоту и трансцендентную мудрость); *цагаан үр* ('белое зерно')¹². Из этого выходит, что *белый* — это еще и символ *сакральности*.

Таким образом, коды текста оригинала, связывающие имплицитно образы князя и Христа, в монгольском тексте реконструируются через семантическую связь слов *цагаан* и *хийтэй*, ведущих к важнейшим мифологическим и религиозным символам монголов, в результате чего образная структура князя (а впрочем, и текста в целом) дополняется чертами, аналогичными оригиналу. Употребление переводчиком слова *хийтэй*, сперва кажущееся странным, становится мотивированным в связи с князем Мышкиным, так как в нем всесторонне отражается сущность героя (связь со вселенной, божественным миром, судьбой, душой, началом и концом и т. д.), благодаря этому потери и недостатки перевода компенсируются его экстралингвистическим контекстом.

¹¹ Ср. со значениями 'идеал, мыслимый образ прекрасного, достоинство, добродетель, полнота' и т. д. [Волин, Ушаков, 1940. С. 338].

¹² Имеются в виду *белые* добродетели — буддийская формула, означающая деяния человека в прошлых перерождениях [Скородумова, 2016. С. 86].

Приведем еще один интересный пример. Одним из недостатков монгольского варианта романа является то, что не переводятся имена персонажей, хотя они имеют важный, ценностно-информативный характер. Совершенно очевидно, что адекватное воспроизведение говорящих имен — это одна из самых сложных задач переводчика, так как трудно найти равноценный им эквивалент. В таких случаях необходимо прибегать к сноскам и примечаниям ради полноценной передачи авторских интенций, чего Гомбосүрэн не делал. Имя князя поэтому не наталкивает читателя перевода на дальнейшие вопросы. Но если он сможет восстановить все коннотации, данные в языке, то интерпретация глубинных смыслов перевода не может быть искаженной или ложной по сравнению с оригиналом.

При анализе семантических особенностей концепта *цагаан* ('белый') для примера упоминался *Цагаан сар* (т. е. Новый год, букв.: 'Белый месяц'). Дни *Белого месяца* зависят от фазы луны (при этом луна на монгольском — подобно русскому *месяцу* — имеет название *сар*). Лунный календарь, которым пользуются монголы, начинается с *ам цагаан хулгана* ('беломордая' белая мышь)¹³. Это значит, что потерянная при переводе семантика имени князя Мышкина активизируется в слове *цагаан*.

Обращает на себя внимание еще одно понятие, образованное от слова *цагаан*. Это слова *цагаач*, *цагаачлах*, которые имеют значение 'бродяжничество; человек без определенного места жительства' [Скородумова, 2016. С. 227], то есть подобный князю, у которого нет ни ночлега, ни средств к существованию (по крайней мере, в момент приезда в Петербург). Таким образом, благодаря богатой семантике слова *цагаан* в тексте перевода образуются новые, добавляющие смысл коннотации, которые включаются в систему средств, создающих образ князя, и в то же время данные в оригинале смыслы не искажаются, а наоборот, восстанавливаются на этимолого-семантическом уровне монгольского текста.

Сделанный выше анализ указывает на то, что монгольский перевод романа «Идиот» в общем демонстрирует адекватность передачи семантического и синтаксического содержания текста оригинала. Главным достижением переводчика является то, что он смог передать смысловые образы оригинала в условиях другой системы, средствами монгольского языка, восстановив «внутреннюю форму» слов. Тематизированные выше примеры свидетельствуют не только о глубоком знании языка оригинала и языка перевода, но и о поэтическом подходе к тексту, демонстрирующем литературный талант переводчика.

Использованная литература

- Ахманова, 1966: Ахманова А. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Akhmanova A. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1966.
- Akhmanova A. S. Dictionary of linguistic terms. M., 1966.
- Бадмаева, 2011: Бадмаева Ю. Д. Язык памятников старомонгольской письменности в контексте исторической грамматики и лексики. Улан-Удэ, 2011.
- Badmaeva Ju. D. Iazyk pamiatnikov staromongol'skoi pis'mennosti v kontekste istoricheskoi grammatiki i leksiki. Ulan-Ude, 2011.
- Badmaeva Ju. D. The language of the monuments of the old Mongolian writing in the context of historical grammar and vocabulary. Ulan-Ude, 2011.
- Вандан, 2017: Вандан Е. Особенности передачи концепта бог в монгольском переводе романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Ad vitam aeternam. Tanulmánykötet Nagy István 70. születésnapjára. M. Gyöngyösi (ed.). Olvasatok 6. Budapest, 2017. P. 313–319.
- Vandan E. Osobennosti peredachi kontsepta bog v mongol'skom perevode romana «Brat'ia Karamazovy» F. M. Dostoevskogo // Ad vitam aeternam. Tanulmánykötet Nagy István 70. születésnapjára. M. Gyöngyösi (ed.). Olvasatok 6. Budapest, 2017. S. 313–319.
- Vandan E. Features of the transfer of the concept god in the Mongolian translation of the novel "The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky // Ad vitam aeternam. Tanulmánykötet
- Nagy István 70. születésnapjára. M. Gyöngyösi (ed.). Olvasatok 6. Budapest, 2017. P. 313–319.
- Волин, Ушаков, 1940: Волин Б. М., Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 4. М., 1940.
- Volin B. M., Ushakov D. N. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. T. 4. M., 1940.
- Volin B. M., Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 4. M., 1940.
- Гедеон, 2016: Гедеон Ш. Краткий обзор истории восприятия творчества Достоевского в Венгрии после 1945 года // Педагогика искусства. 2016. № 4. <http://www.art-education.ru/electronic-journal>
- Gedeon Sh. Kratkii obzor istorii vospriiatiia tvorchestva Dostoevskogo v Vengrii posle 1945 goda // Pedagogika iskustva. 2016. № 4. <http://www.art-education.ru/electronic-journal>
- Gedeon Sh. A brief overview of the history of the perception of Dostoevsky's work in Hungary after 1945 // Pedagogy of art. 2016. No. 4 <http://www.art-education.ru/electronic-journal>
- Достоевский, 1973: Достоевский Ф. М. Идиот // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Л., 1973.
- Dostoevskii F. M. Idiot // Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. T. 8. L., 1973.
- Dostoevskii F. M. Idiot // Complete works: in 30 volumes. Vol. 8. L., 1973.

¹³ Монголия, как и некоторые другие восточные и центральноазиатские страны, придерживается лунного календаря с 12-летним циклом по названиям животных с древних времен.

- Достоевский, 2015: *Достоевский Ф. М.* Солиот. Улаанбаатар, 2015.
Dostoevskii F. M. Soliot. Ulaanbaatar, 2015.
Dostoevskii F. M. Idiot. Ulaanbaatar, 2015.
- Дрыжакова, 1985: *Дрыжакова Е. Н.* Сегментация времени в романе «Преступление и наказание» // *Dostoevsky Studies*. 1985. Vol. 6. С. 68–90.
Dryzhakova E. N. Segmentatsiia vremeni v romane «Prestuplenie i nakazanie» // *Dostoevsky Studies*. 1985. Vol. 6. S. 68–90.
Dryzhakova E. N. Time segmentation in the novel “Crime and Punishment” // *Dostoevsky Studies*. 1985. Vol. 6. P. 68–90.
- Комиссаров, 1999: *Комиссаров В. Н.* Общая теория перевода. М., 1999.
Komissarov V. N. Obshchaia teoriia perevoda. M., 1999.
Komissarov V. N. General translation theory. M., 1999.
- Латышев, 2005: *Латышев Л. К.* Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М., 2005.
Latyshev L. K. Tekhnologiia perevoda. Ucheb. posobie dlia stud. lingv, vuzov i fak. M., 2005.
Latyshev L. K. Translation technology. Textbook for students of linguistic universities and faculties. M., 2005.
- Людсканов, 1967: *Людсканов А.* Принципы переводимости в свете современной лингвистики // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. М., 1967.
Liudskanov A. Printsipy perevodimosti v svete sovremennoi lingvistiki // *Nauchno-tehnicheskaiia informatsiia. Seriia 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. M., 1967.
Liudskanov A. Principles of translatability in the light of modern linguistics // *Scientific and technical information. Series 2: Information Processes and Systems*. M., 1967.
- Ринчен, 1971: *Ринчен Б.* К истории перевода в Монголии // Мастерство перевода. М., 1971. С. 371–386.
Rinchen B. K istorii perevoda v Mongolii // *Masterstvo perevoda*. M., 1971. S. 371–386.
Rinchen B. On the history of translation in Mongolia // *Translation mastery*. M., 1971 P. 371–386.
- Скородумова, 2016: *Скородумова Л. Г.* Монгольская литература XIX–XX веков. Вопросы поэтики. М., 2016.
Skorodumova L. G. Mongol’skaia literatura XIX–XX vekov. Voprosy poetiki. M., 2016.
Skorodumova L. G. Mongolian literature of the XIX–XXth centuries. Questions of poetics. M., 2016.
- Сүхбаатар, 1997: *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний хар угийн толь. Улаанбаатар, 1997.
Sukhbaatar O. Mongol khelnii khar ugiin tol’. Ulaanbaatar, 1997.
Sukhbaatar O. Dictionary of Mongolian Common Words. Ulaanbaatar, 1997.
- Черных, 1993: *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1993.
Chernykh P. Ia. Istoriko-Etimologicheskii slovar’ sovremennoo russkogo iazyka. T. 1. M., 1993.
Chernykh P. Ia. Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. Vol. 1. M., 1993.
- Швейцер, 1988: *Швейцер А. Д.* Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты. М., 1988.
Shveitser A. D. Teoriia perevoda. Status. Problemy. Aspekty. M., 1988.
Shveitser A. D. Translation theory. Status. Problems. Aspects. M., 1988.
- Ниде, 1964: *Ниде Е.* Toward a Science of Translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden, 1964.

Enkhsaya Wandan

Semantic Features in the Mongolian Translation of the novel “The Idiot” by Dostoevsky

This study is devoted to the Mongolian translation of the novel by F. M. Dostoevsky's “Idiot”, presented by Ts. Gombosuren in 2014. Increased attention is paid to the specifics of translation strategies, as well as to the identification of semantic features of the text of the translation. In addition, the facts of the history of Dostoevsky's reception in Mongolia are presented for the first time. The relevance of this work is connected, on the one hand, with the increased interest of researchers in the problem of intercultural communication, and in issues of linguistic and cultural interaction in translation. On the other hand, nowadays the literary relationship between Russia and Mongolia, in particular, the translation and its difficulties of Russian classical prose (including Dostoevsky's texts) do not receive much attention in the (scientific) research.

Key words: Dostoevsky, “Idiot”, translation, perception, dialogue of cultures, Russian Literature, Mongolian language.

Enzhaya Vandan — Ph. D. (Philology), Senior lecturer, Department of Russian Language and Literature, Institute of Slavic and Baltic Philology, Eötvös Loránd University (ELTE, 1088, Múzeum krt. 4/D, Budapest, Hungary).

vandan.enzhaya@btk.elte.hu